



УДК 130.45

ТРУД В XXI ВЕКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

М. Ю. ВОЛОШИН¹⁾
И. В. СЕМЧЕНКО²⁾
В. В. ГАШКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: volochin@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
semchenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу феномена труда в XXI веке. Исследованию эволюции форм труда в отражении его понятийно-концептуального содержания в философской мысли. В статье отмечается двойственный характер современного философского дискурса о труде, совмещающего противоречивые трактовки труда как «производящего» и «непроизводимого».

Ключевые слова: труд, форма, содержание, концепт, современность.

Анализ проблемы труда, его эволюции и современной формы позволим себе предварить обращением к определению понятия «труд», который трактуется Новой философской энциклопедией как: «целесообразная деятельность человека, рассмотренная 1) под углом зрения обмена человека с природой — в таком случае в труде человек при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей; 2) под углом зрения социально-исторической ее формы»¹. Рассмотрим подробнее предложенное определение.

Так в первом смысле труд понимали еще в Античности, отмечая его необходимый и неизменный характер для человека. Оценочная сторона такой интерпретации может носить отрицательный характер, труд как печальная необходимость добывания «хлеба насущного» или религиозная трактовка труда как следствия повреждения природы человека. Вместе с тем, уже здесь явно видно противоречие смыслов между принуждением, не свободным выбором труда или трудом как необходимостью; и конституирующим характером труда, деятельностью, позволяющей маркировать человека как существо отличное от остального живого. В любом случае остается качество «неизменности» труда как такового, добровольного или конституирующего. Второе значение понятия «труд», которое мы находим в энциклопедии, актуализирует изменчивость труда, его социально-исторических форм. Труд здесь есть форма активности или также деятельности человека, подверженная изменениям. Безусловно, выявление факторов изменяющих труд должно учитывать новации в средствах труда, технике и технологиях, однако, позволим себе отметить их вторичность по отношению к фактору цели. Именно определение цели труда, ответ на вопрос «для чего?», влияет на характер трудовой деятельности и также соприкасается с проблемой мотивации труда (в более узком смысле).

Так у Г.В.Ф. Гегеля мы можем найти такое высказывание: «Опосредствование изготовления и приобретения соответственных распавшимся на частности потребностям, столь же распавшихся на частности средств есть труд, который специфицирует для этих многообразных целей непосредственно доставляемый природой материал с помощью многообразных процессов. Это формирование сообщает теперь средству ценность и целесообразность, так что человек в своем потреблении имеет отношение преимущественно к произведениям людей и он потребляет именно такие человеческие усилия»². Гегель отмечает, что труд как деятельность не замыкается на самом себе в бесконечном обороте производства вещей и удовлетворения потребностей абстрактного человека. Труд есть средство удовлетворения потребностей человека, но это утверждение стоит понимать так, что труд есть средство удовлетворения целей человека. Можно также добавить пропис-

¹ Труд/ Новая философская энциклопедия
<http://terme.ru/dictionary/879/word/%D2%Do%D3%C4>

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1934. – С. 221–222].



ную истину, что труд как и любая другая деятельность есть деятельность целесообразная. Труд как квинтэссенция человеческих усилий есть «материализация» или воплощение целей, само производство и потребности вторичны.

Также у К. Маркса мы находим следующее: «Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т.е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходимо тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения...»³. Марксова «целесообразная воля» лежит в основе труда и тем более, чем менее интересен сам процесс труда. То есть труд изменяется в соответствии с целями человека, но статичен в соответствии с его же потребностями. Такой труд можно назвать «производящим», а сам подход к его определению возникает в эпоху модерна, сконцентрированной на производстве в целом.

Отметим, что итогом такого производства является вещь и именно с критики этого конечного продукта модерна (и отношений с ним связанных) начинает Ж. Бодрийяр: «...труд – также и в форме досуга – заполняет все нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься во времени и в месте, предписанных вездесущим кодом. Люди всюду должны быть приставлены к делу – в школе, на заводе, на пляже, у телевизора или же при переобучении: режим постоянной всеобщей мобилизации. Но подобный труд не является производительным в исходном смысле слова: это не более чем зеркальное отражение общества, его воображаемое, его фантастический принцип реальности. А может, и влечение к смерти»⁴. Бодрийяр несомненно исходит из постмодернистских оснований, делая подобное заключение, однако само утверждение труда как «не производительного», симулятивного, воображаемого, нуждается в анализе. Это представляется нам важным, поскольку если считать это утверждение реальным (в противовес нереальности труда в современности), то Бодрийяр констатирует переворот, произошедший с трудом, его кардинальное изменение от производящего к «не производительному». По его мнению, связь вещей, их обмен и циркуляция в процессе производства поглощается символами. Обмен вещей больше не обмен вещей, а симулякров или видимостей. Однако уже у К. Маркса мы находим анализ проблемы потребительской и меновой стоимости, дополняемой Бодрийяром анализом стоимости символической.

В целом, К. Маркс в трактовке потребительской стоимости отталкивается от понятия потребности, считая их неизменными и объективными: «... труд знаменует собой избавление от возможности опосредовать связь потребностей вещей какой-либо структурой, которая не просто осуществляла бы взаимную подгонку потребности и вещи, но и служила бы указанием невозможности их существования/описания иначе, чем через выявление присущих им структурных качеств. Таким образом, трудовая деятельность как олицетворение «естественности» меновых отношений между человеком и природой оказывается способом придания статуса природной «данности» или «сущности» меновым отношениям уже именно между людьми. Конечной инстанцией труда как обмена между человеком и природой выступает потребительная стоимость.

Понятие потребительной стоимости описывает вещи, исходя из наиболее общего выражения заключенной в них полезности из всеобъемлющей калькуляции полезных свойств, отмеряемых в соответствии с неким общим ранжиром. Именно поэтому вещи

³ Маркс К. Капитал. М., 1953. – С. 185.

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. – С. 62].



кажутся специально созданными для потребления»⁵. То есть полезность как качество присущее вещи отторгается от самой вещи в понятии потребительской стоимости и тем самым объективизируется. И если это можно назвать «качественным» измерением вещи, то стоимость меновая измерение «количественное», абстракция, выстраиваемая на основе количественных характеристик вещей и возможности их эквивалентного обмена. Равенство одной вещи другой, их соразмерность, противостоят теории символической стоимости, приводимой Ж. Бодрийяром. Поскольку в ней вещь может стать даром и вовлечься в обмен только будучи несоразмерной с другой. Дарение не несет «печать» равноценности, поскольку призвано установить отношения иерархии, неравенства.

Вместе с тем, все приведенные теории стоимости и концепции труда соотносимы, что в рамках философского дискурса получает следующую трактовку: «Соотнесенность с целями может задаваться «объективно» – в контексте стоимостного наполнения труда, однако та же соотнесенность с целями может задаваться и «субъективно» – в контексте ценности, которая придается труду. Пренебрежение к символическому измерению труда ведет к тому, что рассмотрение трудовой деятельности осуществляется в терминах анализа за стоимостей, пренебрежение к материальному измерению – к тому, что то же самое рассмотрение вершится в терминах анализа ценностей. В первом случае трудовая деятельность обретает фактичность в противовес значимости, во втором – наделяется значимостью в противовес фактичности.

Преобладание фактичности над значимостью оборачивается попытками свести труд к роли предпосылки производства, приписыванию ему роли метафизического основания или первоисточка последнего. При этом предельным выражением подобного подхода становится изъятие самого труда из многоликих производственных процессов, представление его как чего-то не производимого, но лишь производящего. Наоборот, преобладание значимости над фактичностью сопряжено с тем, что трудовая деятельность должна познаваться лишь в контексте исследования связанных с ней мотиваций, побуждений и фиксирующих их установлений, на которые возлагается миссия произведения труда, причем уже не сам труд изымается из производственных процессов, а именно производственные процессы как бы изымаются из труда. В предельном варианте это может означать, что труд лишь производится, но уже не производит»⁶.

Таким образом, возможно говорить о производящем труде, когда труд будет пониматься как основополагающее допущение, некий метафизический принцип, запускающий процесс производства. В своем столкновении две трактовки труда выявляют равную недостаточность, поскольку объективизм потребностей, движущих человеком в процессе труда преодолен символически. Если К. Маркс мог быть уверен в том, что: «... по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным глазом капиталиста, совершает ли его Цинцинат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя»⁷, – то в настоящее время мы можем сказать, что труд более многомерен и вещь, неотличимая по своей «потребительской стоимости», может отличаться стоимостью символической.

Сама потребность в труде определяется целями человека, что делает понятным пример М. Вебера о традиционализме как «враге» капитализма: «Однако тут возникают неожиданные затруднения. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. Так, например, жнец, который при плате в 1 марку за морген ежедневно жнет 2,5 моргена, зарабатывая таким образом 2,5 марки в день, после повышения платы на 25 пфеннигов за морген стал жать вместо предполагавшихся 3 моргена, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он, по библейскому выражению, «довольствовался». Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производи-

⁵ Ашкерев А.Ю. Философия труда// Социологическое обозрение. Т.3 №2 2003. – С.59-61.

⁶ Там же. – С.52.

⁷ Маркс К. Капитал. М., 1953. – С. 191.



тельность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои *традиционные* потребности?»⁸.

Можно сказать, что капитализм в ходе своего развития последовательно изменял сам труд или шло смещение целей. Если в начале он носил черты традиционализма, мог быть определен как целерациональная деятельность направленная на решение целей локализованных вне самого производства, что и фиксирует М. Вебер в своем примере; то далее цель локализуется в самом труде, что составляет суть капитализма в его веберовском понимании: работа ради работы.

Однако далее мы должны учитывать, что указанное совмещение ведет к изживанию труда как производящего. Производство, будучи направленным во вне самого себя, на решение других, посторонних себе целей не может не производить. Производство, труд как деятельность замкнутая на себя, не производит, а действительно симулирует. Возникает вопрос, что можно производить не производя. Ответ мы находим у Бодрийяра, который говорит о видимости, симулякре. Производство сводится к копированию или тиражированию.

В полном соответствии с таким пониманием труда находится современная западноевропейская цивилизация и ее экономика. Вот как характеризует ее А. Дугин, ссылаясь на Дж. Мэрфи: «

1. Рынок вбирает в себя все (Market discounts everything).
2. Цены меняются трендами (The prices move in trends).
3. История повторяется (The history repeats itself)»⁹.

Так первый тезис означает тот факт, что реальность не просто конвертируется рынком/обменом, но полностью освоена им и «вобрана», рынок есть все, все эквивалентно и обмениваемо.

Второй тезис связан с тем, что: «... динамика рыночных цен в системе трендов становится самостоятельным процессом, независимым от фактической реальности товара или стока»¹⁰. То есть потребность как основа труда изымается из самой схемы ценообразования продукта и сам труд оказывается подчиненным игре знаков, автономных и алеаторных.

Третье положение раскрывается через идею повторяемости как некий «возврат» к модерну или традиционализму, что также не лишено смысла, поскольку позволяет провести параллели с ницшеанским концептом «вечного повторения». Отсутствие направления развития или даже самого развития, внутренних детерминант и прочих «несущих конструкций» располагает систему к такому сценарию.

Место труда в приведенной концепции постмодернистского финансового мироустройства есть место исключенного элемента, он как бы подразумевается, но о нем забыли. Знак или симулякр поглотил труд как реальный процесс. В этом смысле труд в эпоху постмодерна является не столько производящим, сколько непроизводимым. Он не производится как реальность. Вещи, ценности как итог труда и его суть покинули форму труда и обособились в знаке.

Список литературы

1. Ашкерев А.Ю. Философия труда// Социологическое обозрение. Т.3 №2 2003. – С.59-61.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/ Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1934.
5. Дугин А. Дух постмодерна и новый финансовый порядок <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/354/81.html>
6. Маркс К. Капитал. М., 1953.
7. Новая философская энциклопедия <http://terme.ru/dictionary/879/word/%D2%Do%D3%C4>

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/ Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — С.80-81.

⁹ Дугин А. Дух постмодерна и новый финансовый порядок <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/354/81.html>

¹⁰ Там же.



LABOUR IN THE XXI-TH CENTURY: EVOLUTION OF THE FORM AND CONTENT

M. Y. VOLOSHIN¹
I. V. SEMCHENKO²
V. V. GASHKOV

Belgorod State University

¹*e-mail: volochin@bsu.edu.ru*

²*e-mail: semchenko@bsu.edu.ru*

The article presents the results of the analysis of the phenomenon of labour in the XXIth century. The paper studies the evolution of labour forms in terms of its conceptualization in the philosophy. The author reveals the binary manner of the philosophical discourse on labour which combines controversial interpretations of «productive» and «non-produced» labour.

Key words: labour, form, content, concept, modernity.